

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

АВШИМ
ОРЦАМ
ОЛЕТАРСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

МЧК СООБЩАЕТ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Четвертый эшелон

Эдуард Хруцкий
МЧК сообщает

«СОЮЗ»

1987

Хруцкий Э. А.

МЧК сообщает / Э. А. Хруцкий — «СОЮЗ»,
1987 — (Четвертый эшелон)

ISBN 978-5-6052279-3-9

Составившие роман-хронику «Четвертый эшелон» повести рассказывают о работе московской милиции и о сотруднике московского отдела по борьбе с бандитизмом (ОББ) Иване Данилове. Повесть «МЧК сообщает...» — первая в романе-хронике «Четвертый эшелон». 1918 год. Москва. После революции 1917 года и начала Гражданской войны в стране сложилась сложная криминальная обстановка. По улицам города было опасно ходить даже днем. Профессиональные преступники всех мастей объединялись в банды и совершали дерзкие налеты, грабежи, убийства. Всего за год в Москве было зарегистрировано более тринадцати тысяч преступлений из которых раскрыто было лишь тридцать процентов. Назревает необходимость в усилении охраны государственных и финансовых учреждений, более чёткой организации их работы, а также повышении ответственности руководителей за сохранность денежных средств. Для этих целей создается Московская чрезвычайная комиссия. Не пропустите другие повести цикла «Четвертый эшелон» (в скобках — время действия повести): • «МЧК сообщает...» (1918) • «Комендантский час» (1941) • «Тревожный август» (1942) • «Приступить к ликвидации» (1943) • «Страх» (1944) • «Четвертый эшелон» (1945) • «Сто первый километр» (1952-1953)

ISBN 978-5-6052279-3-9

© Хруцкий Э. А., 1987

© СОЮЗ, 1987

Содержание

Екатеринодар. 10 сентября 1918 года	7
Москва. Октябрь 1918 года	10
Москва. 3 ноября 1918 года	12
Москва. Начало ноября 1918 года	14
Москва. Ноябрь 1918 года	16
Москва. Декабрь 1918 года	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эдуард Хруцкий МЧК сообщает...

© Э. Хруцкий (наследники)

© ИП Воробьёв В. А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

Екатеринодар. 10 сентября 1918 года

За окном играла музыка. Торжествующе, звонко вели трубы марш «Под двуглавым орлом». Пел над осенними улицами Екатеринодара алыт. Это был голос победы, славы, надменности.

И кабинет, вернее номер гостиницы «Кубань», был залит солнцем. По-южному ярким и еще теплым.

– А дома-то, наверное, дожди, грязь, мокрые лошади, пар из дверей чайных на улицу вылетает... – полковник Прилуков, начальник контрразведки Добровольческой армии, отошел от окна. – Так как же, Сергей Николаевич, домой тянет? Вы ведь тоже москвич?

Подполковник Незнанский – элегантный, с точным пробором, с усиками, подстриженными по-английски, молчал, постукивая по столешнице в такт маршу.

– Так как же, Сергей Николаевич? – повторил Прилуков.

– Конечно, домой хочется, – Незнанский встал, придерживая шашку, подошел к окну.

Прилуков оглядел его. Высокого, молодого, подтянутого, со значком Академии генерального штаба на левом кармане кителя, под отливающим эмалью офицерским «Георгием» и рубиново-золотым «Владимиром» с мечами под воротником кителя.

– Вы нашли человека, Сергей Николаевич?

– Да. Есть офицер. Достаточно отважный. Я бы даже сказал – дерзкий, но у него несколько смещены понятия о чести и нравственности.

– А где он служит?

– У капитана Симбирцева.

– Он согласен?

– Да, Андрей Георгиевич.

– Я вижу, Сергей Николаевич, вам не по душе эта операция?

– Если хотите, господин полковник, то да.

– Понимаю. Вы специалист по разведке, работали в тылу у австрийцев, но сейчас другая война. Учебники о ней будут изучать наши внуки в новой русской Академии генштаба. А пока... Где этот... бандит, который повезет его в Москву?... Как его?..

– Лапшин? В тюрьме. Где же еще?

– Вам, Сергей Николаевич, придется поговорить с ним.

– Слушаюсь, – Незнанский поморщился. Но что делать, служба есть служба. – Я могу идти?

– Идите.

Незнанский четко повернулся и вышел, позванивая шпорами. Прилуков, прищурившись, глядел ему вслед. Ах уж эти чистоплюи, разведка, шпионство. Нет, дорогой подполковник. Академию вы окончили, а понять ничего не можете. Прилуков был опытным контрразведчиком. Почти всю войну проработал в комиссии генерала Батюшева. Чего он только не насмотрелся за три года! Он видел фрейлин двора, поставлявших сведения немцам, министров, берущих взятки у банкира Рубинштейна. Видел новую российскую мессию, безграмотного мужика, вершившего судьбы фронтов и людей. Именно тогда он понял истину иезуитов: «Цель оправдывает средства». А для борьбы с большевиками хороши все средства. Прилуков, как человек умный, со склонностью к анализу, не верил в надежность временных побед.

Уж больно климат тыла Доброармии напоминал ему времена Гришки Распутина.

Конечно, полковник прекрасно понимал, что активизация уголовного подполья – шаг, продиктованный отчаянием. Но это хоть на время позволит собраться с силами политическому подполью, которое, впрочем, как и царский двор, и штаб Доброармии, раздирали интриги и склоки.

Полковник подошел к окну. По улице, четко печатая шаг, шла рота юнкеров. Поблескивали над погонами острые жала штыков.

Гремела музыка. И вдруг, осторожно, в нем начало зарождаться ощущение чуда. Ведь бывает же цепь случайностей, которую предвидеть невозможно. А вдруг она и сложится, цепь эта. И победа. Господи, как хорошо было думать об этом, слушая музыку маршей.

Ах ты, камера, камера, дом родной. Лапшин потрогал заплывший синяком глаз. Как же влип-то глупо. И наводка была точная, и в квартиру вошли, и дело сделали.

Грека и жену по горлышку, золотишко и деньги в сумку. Да не учли, что в другой половине дома офицер на постой стал. Всего за два часа до дела. А у него двое товарищей были в гостях.

Только Лапшин с напарником за порог, а они тут как тут. Чего-чего, а воевать научились господа офицеры, Степку кокнули, а его скрутили и сюда.

А контрразведка – не сыскное. Два офицерики, прапоры сопливые, за час из него все выбили и в камеру бросили. Мол, сиди, завтра шлепнем.

А жить-то как хочется. Дважды с каторги бегал. Налеты совершал в Москве да Петрограде. Кассу взял на Нижегородской ярмарке.

Дурак... Лох слюнявый... В Москву надо было рвать. К своим ребятам. А теперь все.

И жалко стало Лапшину себя. Господи, за что? Годков-то ему всего тридцать пять.

Как все люди его профессии, Лапшин, когда надо, в бога верил. Считал, что невидимая сила, призванная защищать его, убережет от смерти. И в такие минуты верил он искренне, и становилось ему благостно и грустно. Лапшин забывал о тех, кого убивал сам.

Тюремный коридор освещали большие керосиновые лампы, висевшие под потолком через каждые десять шагов. Свет их, зыбкий и призрачный, причудливо ломал на стене человеческие тени.

Подполковник Незнанский шел мимо вытягивающихся в струнку унтер-офицеров – надзирателей. Стена коридора, щербатая от пуль, со смытой краской лозунгов, точно выражала политические катаклизмы времени.

– Где? – спросил Незнанский молоденького прапорщика в форме корниловского полка.

– В седьмой, господин подполковник.

У дверей камеры с написанной прямо на дверях зеленой краской семеркой подполковник остановился.

Надзиратель отодвинул задвижку, открыл дверь.

– Вы останетесь здесь, – скомандовал Незнанский и шагнул в камеру.

С дощатых нар поднялся плотный человек среднего роста, с разбитым лицом, одетый в некогда щеголеватую визитку с оторванным лацканом и в порванные на коленях полосатые брюки. Рубашки под визиткой не было.

Незнанский достал часы и щелкнул крышкой:

– Вас, Лапшин, расстреляют через час.

Человек молчал, изучающе глядя на подполковника. Он оставался так же невозмутимо спокоен.

– Но есть шанс, – продолжал подполковник.

– Ну?

– Говорите вежливее, вы не в сыскной полиции, а в контрразведке.

Лапшин усмехнулся разбитыми губами:

– Я это сразу почувствовал, как первый раз мне в рожу заехали. В сыскной остерегались бы. Там я человеком известным был.

– Слушайте меня, Лапшин. Вы убили греческого коммерсанта Костаки, убили зверски...

– Так я и не упираюсь, ваше высокоблагородие, взяли на деле, куда погрешь. Вы мне про шанс шепните. Ежели это нужно, – Лапшин потер большой палец указательным, – так выпустите. Через день принесу. Мое слово – печать.

– Не нужно этого. Вы сегодня же подпишете документ и станете агентом контрразведки Доброармии. Это первое. Второе. Мы направим вас в Москву.

– Так я же политикой не занимаюсь.

– Вы будете работать по специальности. Вы на сыском жаргоне мокрушник?

– Случалось, брал грех на душу.

– Вот и занимайтесь этим в Москве. А мы попросим архимандрита, чтобы он вам грехи отпустил, прошлые и будущие.

– Так зачем тогда меня крестить? Я и без ксивенки этой своим делом займусь.

– Вы поедете не один. Повезете нашего человека.

– А это зачем?

– Нужно, Лапшин. Сведете его с вашими друзьями, представите как налетчика из Ростова.

– А он крови не забоится? Людишек резать тяжелее, чем воевать, к этому привычка нужна.

– Это наша забота, Лапшин.

– Значит, я теперь вроде идейный борец. Вроде как эсер.

Незнанский молча посмотрел на Лапшина и усмехнулся.

– Деньги дадите? Путь неблизкий, – Лапшин потянулся.

– Дадим. И помните, если что... У нас везде люди.

– А вот пугать ни к чему. Наняли, так я работать буду. Дело-то знакомое.

Москва. Октябрь 1918 года

Данилов открыл глаза и увидел огромное пятно на потолке. Оно было похоже на контур Африки, только значительно больше, чем на самой крупной карте.

– Ну, слава богу. Очнулся, – раздался веселый голос. Иван попробовал повернуться, но горячая боль мгновенно пронзила тело, и он застонал.

– Ты лежи, лежи, – сосед по палате, держась за стену, подошел к его кровати и сел: – Не узнаешь?

Лицо было знакомое. Но оно осталось там, в другой жизни, границей которой была боль, нестерпимая и жгучая.

– Отдыхай, браток.

Иван закрыл глаза, вспоминая. Обрывки прошлого возвращались фрагментарно и беспорядочно, как перепутанные детские кубики с азбукой.

И он мысленно пытался выстроить их в единую систему, собрать слово, ведомое ему одному. А кубики рассыпались, не складывались буквы. И словно далекий свет лампы появился в воспоминаниях Брянск и летний театр. Даже запах каких-то цветов появился. И лицо Олечки Богулевич. И снова он ее услышал: «Настоящий человек должен стать сельским учителем».

А кубики падали и падали и постепенно сложились в единственное нужное слово.

Из окна второго этажа бил пулемет. Пули, рикошетируя по мостовой, выбивали длинные беловатые искры. Теперь он вспомнил лицо человека, склонившегося над ним.

Он лежал рядом с ним за поваленной трубой. Потом они бежали мимо каких-то деревьев... Потом узкий проулок... Кирпичная стенка, осыпающаяся под ногами... Сарай... И бесконечный треск выстрелов... Потом он только видел тупое пулеметное рыло, кашляющее огнем... Оно было совсем близко... Надо было сделать всего десять шагов и бросить гранату. Пулемет замолчал на секунду, видимо меняли ленту, и тогда он выскочил из-за сарая...

– Куда? – кричал кто-то. – Убьют!

Он пересек двор и бросил тяжелую бомбу в окно... Потом что-то ударило его, и закружились деревья, дом, сарай и чье-то лицо.

И Данилов словно нырнул в темную горячую реку...

А теперь он вспомнил это лицо и засмеялся.

– Вы матрос? – спросил он.

– Натурально матрос, – засмеялся сосед. – Козлов Степан Федорович, комиссар ВЧК. А ты, браток, молодец, есть в тебе живой дух. Как не забоялся-то?

– Не знаю, – честно ответил Иван.

И потекли длинные, как несбывшиеся сны, дни. Через неделю Иван уже вставал, и они играли с Козловым в самодельные шашки: вместо белых – гильзы от нагана, вместо черных – винтовочные.

Они уже все знали друг о друге. А что, собственно, мог рассказать о себе восемнадцатилетний Иван Данилов?

Родился в Москве, учился в гимназии, потом отца перевели на службу в Брянск, там закончил реальное училище. Потом Союз молодежи, военная подготовка, Красная Армия. Их рота прибыла в Москву, и ее сразу из вагонов бросили на помощь чекистам.

– Ну а дальше что? – спросил Козлов.

– Заходил комиссар госпиталя, хочет на курсы краскомов отправить.

– Ты согласился?

– Конечно.

– погоди, Ваня, я тут кое с кем поговорю, может, другое дело тебе найдется.

– Какое?

– погоди, – загадочно ответил Козлов.

Однажды в палате появился высокий черноволосый человек.

– Здорово, увечные, – белозубо засмеялся он.

– Федор, Мартынов! – Козлов соскочил с койки, и они обнялись.

– А ты как, друг, – спросил Мартынов Ивана, – ожил малость? Очень мы перепугались, когда ты с гранатой выскочил.

– Да так... – смутился Иван.

– Ты не смущайся, только помни всегда: жизнь у нас одна. Другую на базаре не купишь.

Так что беречь ее надо.

Мартынов положил на тумбочку сверток:

– Это вам ребята собрали сахар, хлеба, колбасы даже, так что поправляйтесь. Пойдем, Степа, поговорим о разных разностях и покурим заодно.

Они вышли, а Данилов взял растрепанный томик Гюго, который ему принесла медсестра, и заново, вместе с Жаном Вальжаном, пошел по улице старого Парижа.

Когда-то, мальчишкой, он, начитавшись Дюма, мечтал попасть в этот таинственный Париж. Город красивых и веселых женщин и беспечных и смелых мужчин. Позже, когда вслед за Дюма пришел суровый Гюго, Париж открылся перед ним другим. Мрачным, суровым, таким же, как Петербург Достоевского.

И сейчас, заново перечитывая «Отверженных», Иван открывал все новое в давно знакомой книге.

Он просто вырос, поэтому читал книгу совершенно иначе.

Из коридора вернулись Козлов и Мартынов. Взяли стулья, сели у кровати Данилова.

– Слушай, Иван, – наклонился к нему Мартынов, – я говорил с комиссаром госпиталя, ты, значит, на курсы краскомов собрался?

Иван кивнул, поправил рубашку.

Мартынов смотрел на него улыбаясь. Уж слишком по-мальчишески тонкая шея была у будущего краскома. Он помолчал и сказал:

– Мы тут с товарищами умом пораскинули и решили, что ты для нашего дела очень нужный человек. Во-первых, молодой, во-вторых, образованный, а в-третьих, смелый.

– Для какого дела? – с недоумением спросил Иван.

– Партийная ячейка твоей роты да и товарищ Козлов рекомендовали тебя для работы в ВЧК.

Иван растерянно молчал.

– Ну, чего молчишь?

– Так я не умею...

– А ты думаешь, я очень умею или Козлов? Учиться будем. Главное у тебя есть, ты задачи партии нашей понимаешь.

– Так я же беспартийный.

– Ты член Союза рабочей молодежи. Поработаешь у нас, станешь большевиком. Завтра принесу тебе опросный лист. Заполнишь, прошение напишешь и из госпиталя прямо к нам.

Москва. 3 ноября 1918 года

Василий Николаевич Манцев вернулся с совещания.

Вопрос обсуждали важный – положение в столице республики.

Что и говорить, радостного было мало, несмотря на ликвидацию левоэсеровского мятежа и разгром анархистов. Политический враг полностью сменил фракционную борьбу на вооруженную. Одна за другой, как пузыри газа на болоте, возникали самые различные контрреволюционные организации.

С Кубани, Дона, Севера и Сибири шла в Москву резидентура многочисленных контрразведывательных организаций. В сентябре был ликвидирован заговор Локкарта.

И конечно, покушение на жизнь Ленина...

Революция, гражданская война, разруха и голод породили неведомые до сей поры масштабы спекуляции и бандитизма. В 1917 году, придя к власти, правительство Керенского объявило всеобщую амнистию. Тысячи уголовников, опасных, умелых, дерзких, осели в Москве. Группкой налетчиков была похищена большая часть картотеки бывшей сыскной полиции, поэтому люди, призванные охранять революционный порядок, начинали все с нуля. Ежедневно дежурные ВЧК и уголовно-розыскной милиции получали сообщения о грабежах, налетах, проведенных с пугающей дерзостью и жестокостью. Бандитизм и все присущее ему: малины, подпольные игорные дома, тайные кабаки – создавали питательную среду, в которой рождались новые преступления. Все это отвлекало силы от борьбы с контрреволюционным подпольем.

Об этом и говорили на совещании. Назрел вопрос о создании в столице республики своей чрезвычайной комиссии.

Манцев стоял у окна. По Малой Лубянке ветер тащил опавшую листву и обрывки декретов. Спешили прохожие. И Василий Николаевич поймал себя на мысли, что толпа на улицах стала одноликой, почти одноцветной, как солдатский строй.

В дверь постучались.

– Войдите.

Вошел работник секретариата, протянул Манцеву бумагу.

– Феликс Эдмундович просил передать вам.

Это была шифровка из Ростова. Бахтин сообщал, что вывезенный на юг архив сыскной полиции найден, изъят и переправлен в Москву. Шифровка была такой, какую и должен был послать Бахтин. Короткая и точная.

Александр Петрович Бахтин был лучшим криминалистом Европы, как писали о нем газеты до революции.

Много лет назад в Париже на квартиру социал-демократов пришел высокий элегантный господин, представился чиновником сыскной полиции и сказал, что охранка готовит провокационное политическое убийство.

Ему не хотели верить, но большевики все же послушались совета полицейского чиновника. Провокация охранки была сорвана.

Нет, Бахтин не был социал-демократом, он вообще был вне политики, он боролся с преступностью. Но все же, как честный человек, предотвратил кровавую провокацию.

Потом у него были неприятности. Слишком уж плотно помощник начальника сыскной полиции Петербурга надворный советник Бахтин взялся за окружение Распутина. Его быстро перевели в Москву.

После революции он был арестован. Но разбирал его дело Гринин, тот самый большевик, которого спас Бахтин.

Так началась работа Бахтина в уголовно-розыскной милиции, а потом ВЧК дала ему задание найти архивы.

И он нашел.

Манцев вспомнил свой последний разговор с Бахтиным. Его немного ироничную, даже желчную манеру излагать мысли. Откровенно говоря, он тогда не очень верил в успех операции.

Читая шифровку, Василий Николаевич радовался своей собственной ошибке и поражался умению Дзержинского разбираться в людях.

Зазвонил телефон.

– Манцев.

Голос Дзержинского в трубке был спокоен и доброжелателен:

– Вы прочитали шифровку?

– Да, Феликс Эдмундович.

– Когда Бахтин вернется, я думаю, что его необходимо использовать как спеца, консультанта в группе, занимающейся борьбой с бандитизмом.

– Он будет служить в ЧК?

– Я этого не говорил, Василий Николаевич, его надо прикомандировать от уголовно-розыскной милиции. Ведь он раскрывал очень сложные дела. Одно ограбление Ростовского банка чего стоит. И помните, Василий Николаевич, Бахтин умный, честный и смелый человек. Пока он нам нужен.

Москва. Начало ноября 1918 года

Вчера Алексей Климов продал золотые часы отца.

Ювелир на Малой Дмитровке пощелкал крышками, внимательно, через лупу осмотрел механизм, потом так же внимательно поглядел на него. Он сразу оценил его сизую офицерскую шинель, фуражку с кружком от кокарды и предложил смехотворно маленькую сумму.

Алексей молча взял с прилавка часы.

– Э, молодой человек, – засмеялся ювелир, – так дела не делаются. Вам не подходит цена? Торгуйтесь.

– Не приучен, – зло ответил Климов.

Ювелир взял часы, вздохнул и назвал цену, в два раза превышающую первоначальную.

– Вы фронтовик? – спросил он, пересчитывая деньги.

– Точно так.

– У меня под Ригой погиб сын, прапорщик Бутузов. Не слышали?

– Я воевал в Галиции.

– Счастливы ваши родители. Вы живы.

Климов взял деньги. Приложил руку к козырьку, отдавая дань убитому прапорщику Бутузову.

Домой, на Сивцев Вражек, Алексей шел по мокрому от дождя Тверскому бульвару. Сапоги скользили по размытой глине дорожек, деревья сбрасывали остатки листьев, и они тихо кружились в сыром воздухе, как немецкие аэропланы «таубе».

Климов поймал один лист, растер его на ладони, понюхал. Он пах осенью: сыростью и тленом.

Алексей на фронте возненавидел это время года. Сырые, пахнущие псиной шинели, вода, хлюпающая в сапогах, осклизлые окопы, грязь, как трясина, затягивающая ноги. Он воевал с первого дня. В 1914-м – ускоренный выпуск, неделя отпуска – и полк под Вильно. Сначала он командовал полуротой, потом стал ротным. Получал производства и награды. Берег солдат. За чужие спины не прятался.

Потом ранение. Госпиталь. Отпуск и назначение на службу в родное Александровское военное училище, на Знаменку.

Конец отпуска точно совпал с окончанием октябрьских боев в Москве. Ровно в десять Алексей в полной форме переступил порог училища, прошел мимо с недоумением глядящих на него матросов и открыл двери в кабинет начальника.

За столом сидел человек в черном штатском пальто, перетянтом солдатским ремнем. Рядом матрос, обмотанный пулеметными лентами и обвешанный бомбами.

Человек в штатском выслушал доклад Климова и спросил:

– Против народа воевал, штабс-капитан?

– Никак нет.

– Это хорошо, что к месту службы без опоздания прибыл. Только вот служить тебе, ваше благородие, негде. Садись пиши.

– Что? – удивился Алексей.

– Обязательство, что не поднимешь оружие против народа.

– А потом?

– Иди домой, ищи место в новой жизни.

Алексей написал обязательство, сдал наган и ушел искать место в новой жизни.

Нелегко ему, с кадетского корпуса привыкшему к строгому расписанию дня, найти это место. Армия по-своему формирует человеческие характеры, и, если тебя на половине пути

внезапно выбрасывает из привычного ритма, это может закончиться нравственным крушением. Об этом Климов думал, идя по бульвару домой.

Сегодня утром пришел дворник Пахомыч и, переминаясь в прихожей с ноги на ногу, сообщил, что есть строжайший приказ сдать оружие, а у Алексея Федоровича на стене сабельки висят.

Нет, не просто сабельки висели в комнате Алексея. Одна шашка с анненским красным темляком и надписью на эфесе «За храбрость». Вторая – золотое георгиевское оружие.

Климов снял их, завернул в одеяло и, стараясь не глядеть на плачущую сестру, оделся и пошел в военкомат. Он шел по улице, неся неудобный сверток, и ему казалось, что прохожие смотрят на него одного. Климов не холодное оружие нес в одеяле, а свою солдатскую доблесть. И поэтому кипело его лицо горячечным румянцем и ходили по щекам желваки.

Он вошел в комнату военкома, накуренную до синей горечи, и сразу же понял, что военком из солдат, вернее из строевых унтер-офицеров. Уж больно ладно сидела на нем потрепанная шинель, и смушковая папаха со звездой с особым кадровым шиком была сдвинута на брови.

– Моя фамилия Климов, – сказал Алексей и положил на стол сверток.

Военком развернул, с интересом поглядел на шашки.

– Чин? – он ткнул сигарку в пепельницу с позеленевшей бронзовой наядой.

– Штабс-капитан.

Из соседней комнаты вошел человек в штатском, в пенсне. Он подошел к столу, уважительно взял в руку шашку с георгиевским темляком.

– Золотое оружие?

– Так точно, – глухо ответил Климов.

– Садитесь, – человек в штатском взял тонкую папочку, полистал.

– Значит, бывший штабс-капитан Климов, двадцать шесть лет от роду, окончил первый Московский кадетский корпус, Александровское военное училище. Всю войну на фронте. На стороне контрреволюции не воевали. Все правильно?

– Так точно.

– А теперь скажите, гражданин Климов, кстати, моя фамилия Зубов, я из Революционного комитета, почему вы, военный человек, сидите дома, когда мы создаем Рабоче-Крестьянскую Красную Армию? Не хотите драться против однокашников по корпусу и училищу? Ну что ж. Дорога к пониманию непростая. Но тем не менее вы нам нужны.

– Кому? – спросил Алексей.

– Нам. Если хотите, русскому народу. Смагин!

В комнату вошел человек в солдатской шинели.

– Ты искал спеца на стрелковые курсы. Вот он, – Зубов указал на Климова. – Будете учить рабочих стрелять. Согласны?

– Так точно, – ответил Алексей, не понимая, радоваться ему или печалиться.

– А раз так, пишите прошение. На службе вы с сегодняшнего дня, а курсы начнут работать с двадцатого декабря. Товарищ Смагин – комиссар курсов, он вам все объяснит.

Зубов встал и уже у дверей, повернувшись, сказал:

– А шашки свои заберите, их вам за храбрость дали.

Москва. Ноябрь 1918 года

– Не ждали-то вас живым увидеть. Не ждали, – причитал дворник. От его старого тулупа пахло прогорклым лампадным маслом и кислятиной. – Батюшка ваш, помирая, все сокрушался. Плакал. Проститься хотел.

Табличка на дверях позеленела. Да и бог с ней, с табличкой, и папенькиным бывшим чином.

Туго повернулся ключ, растворилась дверь. Ударил в нос затхлый, пыльный запах.

– Все как есть сберег, – тихо и преданно сказал дворник, – все как есть.

Копытин достал из кармана пачку денег, отделил половину, протянул дворнику.

– Спасибо, Захар, дровишек раздобудь.

Дворник, стуча валенками, вбитыми в калоши, спустился вниз, и Копытин с Лапшиным вошли в квартиру. Такой же она была, маленькой и неудобной. Те же литографии на стене, та же пыльная скатерть на столе.

– Бедновато жили, а еще офицер, – усмехнулся Лапшин.

– На жалованье жили, – ответил Копытин, – на жалованье.

– Но ничего, Виктор, ты теперь при фартовом деле, доходном. Заживешь.

– Время покажет.

Пришел дворник с дровами, растопил печку. Потом пришла дворничиха, убралась в квартире.

Лапшин исчез куда-то. А Копытин достал из чемодана бутылку спирта, нашел стакан и выпил.

Вот он и дома. Нет, не было у него на душе сентиментального восторга и грусти. Не любил он свой дом. И запах его не любил, пахло всегда в квартире клейстером и горелым сургучом, потому что отец его служил по почтовому ведомству.

Скудность с детства преследовала его. И из кадетского корпуса, а потом из Александровского училища неохотно шел сюда юнкер Копытин.

Мучительно и тяжело завидовал он многим своим однокашникам, жившим обеспеченно и легко. Унизительное доставание денег привело его к карточному столу, и нашелся человек, научивший его играть нечестно. За это общество офицеров выгнало его из полка, но спасла война.

Но слух о том, что он шулер, тянулся за ним, его обходили чинами и наградами. Даже на Юге, у Корнилова, он чуть не убил товарища по офицерской роте капитана Звонарева, отказавшегося подать ему руку. Бедность. Не было страшнее слова для Копытина. Он вспомнил, как разговаривал с ним подполковник Незнанский, эта разряженная сволочь, и губы его свела ненависть. После контузии у него начала дергаться щека. И это, видимо, тоже вызывало в подполковнике чувство брезгливости.

Он очень рад, что после выполнения задания получит чин капитана, перескочив через штабс-капитана. Он все выполнит. Он понимает, что активизация уголовников отвлечет силы ЧК от офицерских организаций. Он будет убивать всех, кто пошел на службу к большевикам. Пусть интеллигенты боятся. Деньги от налетов пойдут на священное дело борьбы.

Да. Да. Да.

Но, выходя из кабинета Незнанского, он уже знал, куда пойдут деньги. Нет, господин подполковник, не на создание офицерских дружин. Три-четыре хороших налета, а он знает людей в Москве, у которых есть что взять, и – в Питер, потом в Финляндию, в Париж. Хватит, понищенствовал. Но сначала надо взять. Между ним и Парижем, между сегодняшним днем и жизнью, которую он себе нарисовал мысленно, лежала осенняя Москва. Стояли чекисты и

милиционеры. Да мало ли кто мог ему помешать. И поэтому все существо Копытина наливалось тяжелой злобой.

С Собаном он увиделся через четыре дня в номере гостиницы «Лиссабон» в Замоскворечье.

А через день они на Трубной площади брали артельщика, брали дилетантски, по-глупому. Деньги-то взяли, но ушли, «оставляя на деревьях клочья шерсти».

Копытин прикрывал отход. Две гранаты пустил в дело. Потом, на какой-то даче в Серебряном бору, Собан сказал:

– Если бы не ты – нам конец.

Вот тогда Копытин сам рассчитал и подготовил налет на контору Волжско-Камского банка. Взяли много и ушли без потерь. Теперь его авторитет стал непреклонным. Особенно когда он шлепнул наводчика, из-за которого они на Поварской чуть не попали в ловушку.

Даже Собан понял, что у Копытина есть своя четкая система. Виктор реорганизовал банду, разбив ее на группы. Одни занимались разведкой объекта, другие наружным наблюдением, наиболее умелые вошли в группу захвата, наиболее стойкие стали прикрытием. Теперь банда больше походила на воинское формирование. Дисциплина была железная.

Да и направлялась она твердой рукой. И в Москве вскоре почувствовали эту руку.

На улицах, в ресторанах, в кафе Копытин слышал самые невероятные разговоры о банде, и ему почему-то было приятно.

Но у него имелся свой план, для выполнения которого необходим был надежный человек.

Его в Москве интересовали три объекта. Профессор Васильев, получивший в наследство в 1912 году драгоценности небывалой цены и красоты, инженер Басов, обладатель уникальной коллекции золотых монет, и валютная контора на Мясницкой. Но для этого ему нужен был верный человек. Одного Лапшина мало. Нужен еще один. И Копытин все чаще думал о своем товарище по училищу Алексее Климове.

Москва. Декабрь 1918 года

Козлов приехал к госпиталю на машине. Когда он увидел стоящего у ворот Данилова, тощего, в шинели с чужого плеча, бледного до синевы, то почувствовал острое чувство жалости. И Козлов даже на секунду усомнился, сможет ли Данилов работать в группе МЧК по борьбе с бандитизмом. Слишком уж худ и незащищен был этот пацан.

Но вместе с тем Козлов был рад, что Иван будет с ним, он привязался к этому молодому тихому парню.

– Садись, садись, браток, – удобнее устраивал он Данилова в машине, – сейчас приедем, зачислим тебя как положено, и работать. А дел у нас невпроворот.

И пока машина ехала из Лефортова до Лубянки, Козлов вводил Данилова в курс предстоящих дел, рассказывал о бандах Собана, Калмыкова, Гришки Адвоката. Иван слушал с непонятным чувством тревожного восторга. Так было в первых классах реального, когда на уроках они читали Рокамболя и «Похождения великого русского сыщика Путилина».

Данилов уже видел себя в кожаной тужурке с маузером, врывающегося в притон, где веселились элегантные бандиты и аферисты. Он один, а их...

– Чего задумался? Испугался? – улыбнулся Козлов. – Ничего, сволочь эту ликвидируем – учиться пойдешь. Пойдешь?

– Пойду, – уверенно ответил Данилов.

Он еще не знал, что жизнь его определилась на много лет и профессия эта станет единственной и главной.

По коридору МЧК матросы волокли сейф. Громадный, тяжелый, покрытый изысканным чугунным литьем. Сейф упирался, с грохотом бился об углы.

– Еще... Еще... Ребята! – кричал старший команды, в бескозырке, съехавшей на затылок. – Еще...

– Да погоди ты, Силин. Он же, подлюка, тяжелый, как жизнь. Давай перекурим! – взмолился один из матросов.

– Некогда, братки... Комиссар ждет... Секретные бумаги на столе стынут.

Данилов и Козлов прижались к стене, пропуская это узорчатое чудо.

– Хозяйством обзаводимся, – Козлов хлопнул Данилова по плечу, – всякими там столами, стульями. Нужное, брат, дело.

Из дверей комнаты вышел высокий черноволосый человек в кожаной куртке. Он повернулся, и Данилов узнал Мартынова.

– Ты смотри, Данилов, – засмеялся он. – Здорово.

– Здравствуйте, – Иван протянул руку.

– Подлатали?

– Да вроде.

– Молодец, Козлов, что ты его привел. А то у нас знаешь как людей не хватает, а он парень грамотный. Пошли к Манцеву.

Член коллегии МЧК Василий Николаевич Манцев сидел за огромным столом в пустой комнате. Он поднялся им навстречу, улыбнулся.

– Поправились, товарищ Данилов?

– Полностью.

– Прекрасно, дел много. Что, прямо из госпиталя?

– Так точно, товарищ Манцев.

– А ты, Федор, человека чаем напоил?

– Не успел, Василий Николаевич, мы его сразу к вам привели. Его прошение о зачислении Козлов из госпиталя передал.

Манцев подошел к столу, выдвинул ящик, достал бумаги.

– Вам сколько лет, товарищ Данилов?

– Восемнадцать.

– А тебе, Федор, по-моему, двадцать шесть?

Данилов посмотрел на Мартынова, он никак не мог представить, что этот человек всего на восемь лет старше его.

Дверь с грохотом распахнулась, трое красноармейцев внесли в кабинет стулья.

– Спасибо, товарищи, – засмеялся Манцев, – вот теперь и присесть можно.

Он подождал, пока Козлов, Мартынов и Данилов сядут, и сказал:

– Я, товарищ Данилов, ваш опросный лист посмотрел. Но бумага есть бумага. Вы мне о себе расскажите...

Когда Данилов и Козлов ушли, Манцев сказал Мартынову:

– Он очень молод, Федор, молод и романтичен. Революция для него восторг, жертвенность, красивый праздник. А строительство нового общества – это работа. Тяжелая, даже грязная порой, но работа. Именно эта обыденность и может вызвать разочарование. Вот здесь-то вы и должны помочь ему.

– Да какая же обыденность, Василий Николаевич, – удивился Мартынов, – у нас, как в кинематографе, каждый день новая фильма.

– Обыденным становится все, Федор. А нам нужны такие, как Данилов, очень нужны, они продолжают наше дело. Так что помогите ему найти себя.

Мартынов молча кивнул. Но внутренне никак не мог понять, о какой обыденности при их горячей работе говорит Манцев.

Данилов с Козловым сами втащили столы и стулья в комнату. Даже чайник достали. Здоровый, медный, с чуть помятым боком.

Иван разложил на столе полученное на складе имущество: кожаную куртку, фуражку со звездой, новенькое светло-желтое офицерское снаряжение и наган в кобуре.

– Ты, Ваня, – Козлов взял скрипучую куртку, – сейчас ее не носи. Под нее ватную фуфайку надо надевать.

– Устроились, голуби? – вошедший в комнату Мартынов бросил на стол Данилову пакет. – Ты что же, Ваня, паек-то не взял? Козлов, бери чайник. Наш кипяток, ваши сухари, мой сахарин.

Но они так и не успели попить чаю. Банда Гришки Адвоката напала на правление Виндавской железной дороги.

Они ехали в машине, потом перестрелка, потом допросы.

Ивану допрашивать пока не доверяли, он вел протоколы. Один за другим проходили через комнату их группы самые разные люди. Были среди них тупые и мрачные уголовники, анархисты, эсеры, бывшие чиновники и студенты.

Республика дралась на фронтах, из последних сил работали московские заводы и фабрики. Люди отдавали последние силы. А накупив, людская пена, поднятая временем, неустроенностью, нуждой, грабила, насиловала, убивала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.